

ПОВЕЛОСЬ называть создаваемое на радио и телевидении передачами. Радиопередача. Телепередача. Это специфический термин, вполне оправдывающий свое название. Но бывают случаи, когда создается произведение, и передачей назвать его невозможно. Слово это никак не совмещается с тем, что сделано.

Главная редакция литературно-драматического радиовещания создала своеобразный радиороман по «Тихому Дону» Михаила Александровича Шолохова*. Это не дословное прочтение глав романа, а именно своя композиция, которую условно можно назвать «Семья Мелеховых». Шесть часов звучания разбиты на двенадцать радиоглав, вполне законченных и в то же время являющихся естественной частью целого — всей композиции.

Возможно, это мое заблуждение, но мне кажется, что мы мало проявляем профессионального интереса к радио. Обсуждаются премьеры театра и кино, актерские удачи, а вот о радиоработах говорят редко. И критика, по-моему, недооценивает важность этого вида искусства, а на премьеры радиоспектакля не полторы тысячи человек, а миллионы.

Я не беру на себя обязанность критического анализа этой работы. У меня нет ни умения, ни желания заниматься не своим делом. Просто хочу вслух выразить свою благодарность за человеческое и творческое волнение, которое чтение Ульянова пробуждает в слушателях.

Трафарет подобных чтений прост: литература, артист, музыка. И различие между обыденными чтениями и выдающимися в немногочисленных в качестве всех трех компонентов и мастерстве режиссера.

Мы говорим сейчас о «Тихом Доне». Я не вправе да-

вать какую бы то ни было оценку роману. Буду говорить только о том, что эстетически дорого нам, артистам, почему роман был богатейшим материалом для чтения и абитуриентов, и мастеров.

Автор, как бы выполняя завет Пушкина, «не настаивает на излюбленной идее», он пишет главное — характер.

КАЧЕСТВА, ЛЮБЕЗНЫЕ ЛЮДЯМ

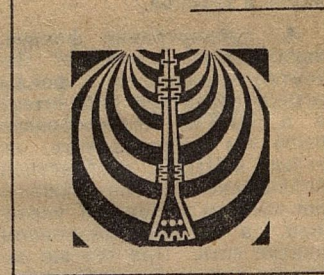
Михаил Ульянов читает «Тихий Дон»

тер. Жизнь станицы, красоты природы, высота и низменность страстей, нравы, привычки, вековой опыт, перешедший в народные традиции, — все в характерах. Выписаны характеры точным, емким словом, не вымороженным, не притянутым для обозначения сюжетных ходов, и картина жизни развертывается подлинная, могучая и полнокровная.

Работать с такой литературой — огромная ответственность, но и великая радость.

Значит, говоря профессиональным языком, режиссер имел материал, для выражения которого необходимо был не просто хороший артист, а личность, фокусирующая в себе качества, эквивалентные этому материалу: органическое чувство правды и глубокую человеческую широту. Потому приглашение Михаила Александровича Ульянова естественно, и результат не есть неожиданность. Сказать «Ульянов читает хорошо» — не похвала, а констатация факта. Ульянов просто не может читать плохо, даже если бы захотел. Другое дело, что в данном случае Михаил Александрович Ульянов сделал больше, чем можно было ожидать. Сделал эту работу особой по актерскому мастерству и человеческой страстности.

Ульянов принадлежит к категории художников, у которых есть редкий дар — аккумулятировать в себе качества, любезные людям. Такими личностями были Пушкин и Луспекаев. Таковы, мне кажется, Ефремов и Ульянов. И понятно, почему так органично сплетаются народный хор казачьей пес-

ную обезьянку в госпитале), и тут вдруг отчетливо вспомнилась сцена с березками из «Калины красной» — голос, мелодия речи. У Шукшина голос удивительный, сердечный. У Михаила Александровича голос скорее слабый, с характерной тресчинкой, хрупкий. Оттого живой и теплый. В какой-то момент голос становится мощным — он выражает существо арти-

тельно-ласково, как картину детских игр.

Возвращается Степан до- мой.

«Аксинья, выхлясь всем своим крупным, полным телом, пошла навстречу.

— Бей! — протяжно сказала она и стала боком».

Артист не опускается до приблизительной имитации голосов героев, но кажется, что «Бей!» говорит Аксинья.

характере старика не эту забавную даже воинственность, а неведомую самому Пантелею Прокофьевичу, природную тягу к нравственной справедливости. Старый казак наивно пасует перед шутками хозяина лавки по поводу Аксиньи и Григория, пасует перед яростным натиском Аксиньи, любит и горько жалеет обиженную Наталью.

нашел, как ему кажется, выход: «Надумал я, давай с тобой прикончим... прикончим эту историю. А?» И, равнодушный к суетным, эгоистическим переживаниям Григория, Ульянов бережет спрятанные Аксиньины слезы. «Кривой, запыленный в зарослях подсолнухов луч просвечивал прозрачную капельку, сушил оставленный ею на коже влажный след».

Письмо Натальи к Григорию замечательно. Любое определение становится рядом с простыми его словами пошлостью. Ульянов читает его ясно, светло, как песню, как талантливое творение чистой души.

«Григорий Пантелевич! Пропиши мне, как мне жить, и навовсе или нет потерянная моя жизнь? Ты ушел из дому и не сказал мне ни одного словца. Я тебя ничем не оскорбила, и я ждала, что ты мне развяжешь руки и скажешь, что ты ушел навовсе, а ты отроился от хутора и молчишь, как мертвый. Думала, сгоряча ты ушел, и ждала, что вернешься, но я разлучать вас не хочу. Пушай лучше одна я в землю затоптанная, чем двое. Покалей напоследок и пропиши. Узнаю — буду одно думать, а то я стою посередь дороги. Ты, Гриша, не серчай на меня, ради Христа.

Наталья». «Живи одна. Мелехов Григорий».

Не дождалась Наталья, пока докопается Григорий в душе своей до простого человеческого сострадания. И когда приходит время великих перемен — мотает Григория из стороны в сторону прежде всего отсутствие целеустремленности душевной, внутренняя неустойчивость, неуверенность в своих чувствах, недоверие к своему сердцу. Сила и правда характеров, их страсть и стихия выходят за пределы станицы, как Дон из берегов, приобретаемая масштаб народной, семейная драма становится драмой человеческой, конфликт нравственно-психологический становится социальным конфликтом.

В этом великая сила романа. Бережно и любовно переносят создатели композиции на радио неувядающие страницы.

Ия САВВИНА,
заслуженная артистка
РСФСР.

ни и музыка Шостаковича — в них тоже проявляются качества, любезные людям.

Театр и кинематограф берут классический материал. Они вынуждены и обязаны пользоваться своим образным строем: читать глазами — одно, видеть на сцене и экране — другое. На радио, кажется, все проще, там автор сохраняется полностью. «Всходит остролистая зеленая пшеница, растет; через полтора месяца грач хоронится в ней с головой, и не видно; сосет из земли соки, выколосится, потом зацветет, золотая нилья кроет колос; набухнет зерно пахучим и сладким молоком». Я не представляю себе сценического или экранного эквивалента такой прозе. А прочитать можно. Но я на радио есть своя образная специфика. И прежде всего это голос. Голос артиста.

Что там ни говорите, а голос — тоже часть дарования артиста. Есть голоса правильные: красивые, с хорошей опорой, но бесцветные, скучные. Есть голоса раздражающе своеобразные. Есть обаятельно своеобразные. Зависит это еще и от нашей нервной системы, что и как на нее действует. Голоса Бабановой, Пятта, Раневской — мгновенно узнаваемые и притягивающие. Недавно я вдруг «услышала» голос Шукшина. Негромкий, с какими-то бархатными оттенками на низах и с неслышимым, но ощущаемым внутренним певучим строем. А произнес он: «Скажи, что маршал Конев разрешил» (полечить ране-

ста, его эмоции, его ум, его страсти.

Существует определенный закон разбора материала артистом и режиссером: выяснение главного в сцене, подчинение всего остального этому главному, приблизительная речевая характеристика героев. Ульянов работает так же. С одной особенностью — своим отношением к людям, событиям, природе. Не тем «своим отношением», которое должно быть у артиста по всем законам актерского мастерства, а отношением скрытым, не запрограммированным, не демонстрируемым, о котором артист сознательно не помышляет и которое проявляется вопреки его воле. Отношение, как результат восприятия событий им, Ульяновым, и никем другим.

Говорят, нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Так и с людьми, и с актерами. И «тайна» большого артиста, «секрет» его таланта — в богатстве этих, ему одному данных индивидуальных средств восприятия и воспроизведения материала.

Радиоглава, условно обозначенная мной «Приезд Степана»

Ох ты, Дон,
Ты наш Дон,
Славный тихий Дон...

Неожиданно, своеобразно, могуче звучит песня, выходящая из устоявшихся уже приемов народных хоров, и переходит в спокойную и величавую мелодию Шостаковича. Картина службы Степана как бы невсамделишная, лирико-ироническая. Ульянов читает ее снисходи-

Полузадушенно и мелодично. И за этим вскриком — отчаяние, гордость, любовь, страх. Почувствовано то, что стоит за словом, что богаче слова: многоцветное состояние души человеческой. И везде артист проживает некую жизнь между строк. Страшная сцена избития Степаном Аксиньи ошеломляет не ужасом физического истязания, а тяжким унижением духа, унижением женского достоинства, унижением любви.

Вот одно из многочисленных писем в адрес редакции. Вера К. пишет: «Он настолько проникся переживаниями героев, их чувствами, настолько перевоплощается, что часто я забывала, что он один читает. Мне слышался спектакль».

Ульянов знает своих героев, так хорошо знает, что заставляет нас узнавать их.

Дуняша. «Вся в румянном цвету, Дуняшка ласточкой чертила баз от страсти к курению»; «Дуняшка козой скакнула к воротам...»; «Дуняшка, болтая косичками, прожгла по базу, захлопнула дверцу курятника и стала посреди база, раздувая ноздри, как лошадь перед препятствием».

И эта молодость, чистота, неумелость — в торопливом лепете, где слова как бы налетают друг на друга и быстро и молодо бьются Дуняшкино сердце.

Пантелей Прокофьевич. «Чертом попер в калитку», «поднес раз жене, опрокинул столик со швейной машиной, и, навоевавшись, вылетел на баз...»

Артист подчеркивает в ха-

Ульянов так любит Аксинью и гордится ее уникальным талантом любить, что для Натальи, кажется, мало остается привета. Но артист относится к Наталье бережно. Наталья виновата только в том, что нелюбима. Ульянов не признает за ней эту вину. Когда возвращается Наталья в дом к отцу, артист уходит от искушения драматизировать идущую перед этим сцену раненой лошади. Беда человеческая страшнее. Любовь, беспомощность, стыд — такая рана, что приведет к желанию не жить. Ульянов расскажет об этом отчаянном желании умереть яростно и страстно, сострадая и протестуя. И музыкальная мелодия, как туповатые удары колокола, завершит эту сцену.

«А Дон могуче и радостно несет свои воды...» — жизнь продолжается.

Ульянов углубляет безжалостное отношение автора к Григорию. У Григория слово как бы опережает эмоцию. «Жениховское озорство» оборачивается черствостью. И пока Григорий допытывается до истины в душе своей, близкие ему люди платят за это страданием. Аксинья. Наталья. Мать. «...думал Гришка неясные думки, пытался и не мог поймать увливавшие от сознания скользкие шматочки мыслей».

Если Аксинья, когда вырываются у нее горькие слова, «испуганно — не обиделся ли — глядела на отвернувшегося Григория», то «спокойный голос его обжег Аксинью». Говорит он тупые, негибкие слова, муторно у него на душе, и оживляется он, когда, наконец,

* «Тихий Дон» Михаила Шолохова. Режиссер Борис Дубинин. Музыкальное оформление Риты Брославской. Музыка из произведений Дмитрия Шостаковича и казачьи песни в исполнении экспериментального ансамбля Союза композиторов РСФСР под руководством Дмитрия Порожского. Читает Михаил Ульянов.

Сов. культура, 1975, 6 июня